

чинов – 8 (убито), – 14 (пропало без вести), – 71 (ранено). Итого – 93 или около 1/6 общего числа.

Меньшее количество выбывших из строя при Бородине можно объяснить тем, что под Аустерлицем и позже, до самого 1812 г., кавалергарды, как и все русские кирасирские полки, не имели кирас. Но, наверное, более веской причиной большего в два с половиной раза количества убитых и раненых в Аустерлицком сражении, явилась нехватка боевого опыта. Поэтому, хотя Кавалергардский полк и сражался в нем самоотверженно, но в действиях его офицеров и нижних чинов сказывалась чрезмерная «манежная подготовка», которая сама по себе, без проверки на поле боя, не может сформировать настоящих кавалеристов¹¹.

Действия Кавалергардского полка под Бородиным приобрели ему, по ходатайству М.И. Кутузова, штандарты с крестами и лентами ордена Святого Георгия и с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России, 1812 года». Все, без исключения, кавалергардские офицеры, находившиеся в Бородинской битве, были награждены.

Кровью, пролитой ими в первый раз под Аустерлицем, затем на Бородинском поле и еще в тридцати больших и малых сражениях 1812–1814 годов, кавалергарды приобрели своему полку надежную славу отборного войска, являющего собой пример храбрости, мужества, самоотверженности, верности и любви к Отечеству, российскому воинству свойственных.

¹¹ Бегунова А. Сабли остры, кони быстры... (из истории русской кавалерии). М., 1992. С. 110.

Последствия войны: инструментализация и символика

Л.Е. Горизонтов

1812 год в ментальной географии Российской империи

В формировании представлений о пространстве (ментальной географии) важная роль принадлежит войнам. Ничто, увы, так не способствует познанию собственной страны, как боевые действия на ее территории. Стратегически значимые города, природные рубежи, дороги обретают символический смысл. Вести из провинции, ставшей ареной сражений, много важнее столичных. Оживают исторические предания прошлых войн.

Так, в середине XIX в. Крымская война заставила по-иному посмотреть на Новороссийский край (Северное Причерноморье), отошедший к России в результате длительного противоборства с Османской империей¹. В 1812 г. взоры устремились на запад, откуда пролегал кратчайший путь вражеской армии в центр России. Ключевым пунктом на этом пути был Смоленск.

Смоленщина, в далеком прошлом относившаяся к «го-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регионы Европейской части Российской империи: ментальная география и пространственные стратегии власти», проект №10-01-00371а.

¹ Горизонтов Л.Е. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П.Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007.

родам от Литовской украины», долгое время находилась в зоне русско-польского фронта и вплоть до середины XVII в., когда «литовский рубеж», наконец, стабилизировался, неоднократно переходила из рук в руки. В XVIII в. в ходе частых изменений административно-территориального деления России Смоленск то становился частью пространства, организуемого Москвой, то выступал в роли самостоятельного центра, то попадал в различные немосковские регионы. После раздела Речи Посполитой Смоленская губерния была сформирована таким образом, чтобы прежние российские владения оказались в ней соединены со вновь приобретенными. Сама Смоленщина, подобно Малороссии, продолжала восприниматься как новое приобретение, требующее интеграционных усилий². Спецификой отличалась и региональная идентичность ее населения (Г.А. Потемкин, С.Н. Глинка)³.

В афише от 1 июля 1812 г. московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин вложил в уста мещанина-патриота задорное обращение к Наполеону: «Белорусцев возьмем да тебя в Польше и погребем»⁴. Таким образом, в самом начале войны высказывалось убеждение, что она закончится разгромом неприятеля на бывших землях Речи Посполитой и при активном участии белорусов, каковыми тогда обычно считали жителей современной Восточной, реже, Центральной Белоруссии. Москва изображалась неприступной твердыней.

Вскоре по мере продвижения неприятеля в глубь страны на первый план выходит Смоленск, возле которого, на Днепровском рубеже, московский генерал-губернатор теперь рассчитывал остановить армию Наполеона⁵. Однако и этот прогноз не оправдался.

«Я, прибыв к армии, — писал М.И. Кутузов за не-

сколько дней до Бородинского сражения П.В. Чичагову, — нашел неприятеля в сердце древней России, так сказать над Москвою, и настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому и не имею нужды изъяснять о том, что сохранение некоторых отдаленных польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самых внутренних губерний не входит»⁶.

Внутренние губернии противопоставлялись отдаленным польским, каковыми тогда считались все бывшие земли Речи Посполитой.

В опубликованном «Северной почтой» рапорте М.И. Кутузова от 4 сентября указывалась «нераздельная» связь между сдачей Смоленска и Москвы. Эта версия стала предметом «толков», которые довелось слышать М.Б. Барклаю-де-Толли, «проезжая губернии внутренние». 25 октября он отправляет императору из Владимира письмо с изложением своего видения событий, которое хочет сделать достоянием общественности.

«Весьма трудно истолковать, какую связь между собою могли иметь Смоленск с Москвою, — рассуждал генерал. — Смоленск не есть крепость, защищающая пределы государства или вход в Москву; город сей не есть предмете московское; следственно, потеря Москвы имеет столько же связи с потерей Смоленска, как и потеря Могилева, Минска, Борисова, Лепеля и многих других городов».

Барклай-де-Толли не только не усматривал сопряженности Смоленска с Москвой, но ставил его в один ряд с губернскими и уездными центрами Могилевской, Витебской и даже Минской губерний. Однако в приложенной к письму записке военачальник ссылался на стратегическое решение «открыть кампанию отступлением к древним нашим границам», дабы внутренний враг в неблагоприятных западных губерниях не мог угрожать армии с тыла⁷.

² Иконников В.С. Екатерина II как историк. Киев, 1911. С.11.

³ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 55–57.

⁴ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 210.

⁵ Там же. С. 265.

⁶ Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С. 311–313, 467.

⁷ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 272–275.

На ментальных картах того времени внутренние и польские губернии, на границе которых находился Смоленск, качественным образом различались. По свидетельству Ф.В. Ростопчина, Смоленск, «в общественном мнении, возведен был в оплот Москвы»⁸.

Для определения западной границы Центрального региона России, ее внутренних губерний чрезвычайно существенно, что именно на этом направлении 1812 год дважды — при отступлении и наступлении русских войск, выверил точную демаркационную линию между своим и чужим.

«Поречье — первый старый русский город на пути нашего отступления, и расположение к нам жителей было другое, — вспоминал А.П. Ермолов. — Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемен. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей. Невозможно было изъявлять ни более ненависти к врагам, ни живейшего усердия к преподанию нам всех способов, предлагая содействовать, ни собственности не жалея, ни жизни самой не щадя!»⁹.

«Пока мы проходили бывшие польские места, — говорится в других воспоминаниях, — жители городов и деревень относились к войскам с молчаливым равнодушием... Совсем иное было в губернии Смоленской». К востоку от Смоленска с приближением неприятельской армии местное население покидало свои дома, устремляясь в глубь страны¹⁰.

Партизанский опыт Д.В. Давыдова подсказал ему несомненный критерий демаркации. После вступления на правый берег Березины в районе Борисова для отбившихся от отряда стали представлять опасность местные селяне. Если в центральных губерниях, чтобы добиться доверия крестьян,

⁸ Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С. 285.

⁹ Ермолов А.П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 146–147.

¹⁰ Бутенев А.П. Воспоминания русского дипломата // Русский архив. 1881. №5. С. 70–72.

достаточно было облачиться в простонародную одежду, запустить бороду и отказаться от французского языка, то здесь, в Минской губернии, ситуация выглядела иначе. «Это было лучшее доказательство истинного рубежа России с Польшею», — писал Давыдов по поводу гибели двух своих подчиненных¹¹.

В воспоминаниях владимирского ополченца, мелкого провинциального чиновника, бывшего явно не в ладах с географией, читаем про поход в «Борисов Минской губернии, что в Малой Польше», и обратный путь домой.

«Как вступили почти на землю русскую, то, оканчивая белорусскую, — свидетельствовал мемуарист, — каждый христианин ополченный радовался и, подымая кусок земли, целовал, говоря, что близится к груди своей русской Отчизны и с радостным лицом лучше тут умереть, нежели... оставаться в Малой Польше!».

Обряд целования земли происходил где-то под Вязьмой, на границе Смоленской и Московской губерний¹².

Посланный оценить масштабы разрушений на бывшем театре военных действий архиепископ Рязанский Феофилакт сообщал А.А. Аракчееву о том, что в Могилевской и Минской епархиях гораздо меньше сожженных домов, чем в соседней Смоленской. Различие объяснялось политическими расчетами противника¹³. Речь шла об особом отношении Наполеона к входившим ранее в состав Речи Посполитой землям, где в дворянской среде преобладали поляки.

Во французских архивах найден пространный рапорт Наполеону генерала М. Сокольницкого, составленный по поручению императора за несколько месяцев до похода на Россию. Хорошо осведомленный польский автор рапорта считал главным театром Литву, действия в которой плани-

¹¹ 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 273.

¹² 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 426, 434.

¹³ Дубровин Н. Указ. соч. С. 440.

ровал дополнить отвлекающей «широкомасштабной диверсией» на Правобережной Украине с занятием Киева. Сокольницкий предлагал распространить Речь Посполитую до «естественной» границы 1772 г. и убеждал Наполеона в том, что проживающие по обе стороны от нее «не перестали быть полноценными поляками», способными на массовое восстание и создание добровольческих формирований. По заверениям генерала, даже на Украине, где межнациональные антагонизмы не раз достигали апогея, бороться за восстановление Речи Посполитой будут представители всех сословий. Все это оказалось изрядным преувеличением: даже польские подданные России делали разный выбор. Дабы «надежно оградить Польшу от России», за днепровско-двинским рубежом под «непосредственной протекцией» Польши Сокольницкий предлагал создать «цепь федеративных герцогств», в том числе Герцогство Смоленское. Сам Смоленск «должен превратиться в польский пограничный форпост»¹⁴.

Оказала ли война 1812 года решающее влияние на изменение ментальных карт? Подробный ответ на этот вопрос потребовал бы еще одного доклада. И во властных структурах, и в обществе существовало стремление расширить ядро империи, используя Смоленщину как базу для обрусения белорусско-литовских губерний. С другой стороны, долгое время применительно ко всему Западному краю продолжал употребляться термин «польские губернии». Опасались польской экспансии на Смоленщине, перспективы воспользоваться «Годуновской стеной в Смоленске»¹⁵. Озабоченность судьбой «Смоленской окраины, давно обрусевшей»,

¹⁴ Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» Минск, 2003. С. 59–60, 68, 71, 80–81, 113.

¹⁵ Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 413.

выражал К.П. Победоносцев¹⁶.

Смоленскую губернию по-прежнему не всегда включали в Центральный (Московский) регион, прежде всего, по причине проживания на ее территории белорусов. Даже накануне Февральской революции председатель Совета министров Б.В. Штюрмер не считал «Смоленский край» вместе с западными уездами соседней Калужской губернии великорусскими «в полном смысле этого слова»¹⁷. После 1917 г. Смоленск виделся в составе и нередко даже в качестве столицы Западной области.

Итак, именно вдоль смоленского рубежа война 1812 года четко демаркировала пространство по признаку отношения местного населения к противоборствующим армиям. Резкий контраст прослеживался в поведенческих стратегиях не только представителей элиты, но и простонародья. Военный опыт вступал в противоречие с представлениями о большой русской нации. Дифференцированной политики на захваченных территориях Российской империи придерживался Наполеон. Проведя выразительную грань между своим и чужим (польским, литовским, белорусским), война упрочила на ментальных картах как порубежность Смоленска, так и его связь с Москвой. Смоленск воспринимался как вход в московское пространство («смоленские ворота»), город, самым непосредственным образом сопряженный с судьбой древней столицы. После 1812 г. восприятие Смоленской губернии в качестве неотъемлемой составляющей Центральной (внутренней) России существенно упрочилось, хотя так и не сделалось всеобщим.

¹⁶ Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX в. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2: География и политика. С. 24.

¹⁷ Отечественные архивы. 2009. №1. С. 102.

Mit dem zunächst in Austerlitz, danach auf dem Schlachtfeld von Borodino und in noch weiteren dreißig großen und kleinen Schlachten zwischen 1812 und 1814 vergossenen Blut erwarben die Kavalleriegardisten als Elitetruppe anhaltenden Ruhm für ihr Regiment, das ein leuchtendes Beispiel für die dem russischen Heer eigene Tapferkeit, den Mut, die Selbstlosigkeit, Treue und Liebe zum Vaterland ist.

Nachwirkungen des Krieges: Instrumentalisierung und Topoi

L. Gorizontow

Das Jahr 1812 in der mentalen Geographie des russischen Reiches

Bei der Gestaltung der Vorstellungen über den Raum (der mentalen Geographie) spielen Kriege eine wichtige Rolle. Leider ist für die Kenntnis des eigenen Landes nichts so förderlich wie Kampfhandlungen auf seinem Hoheitsgebiet. Strategisch bedeutsame Städte, natürliche Grenzen und Straßen werden symbolisch aufgeladen. Nachrichten aus der Provinz, dem Schauplatz der Schlachten, sind nun wesentlich wichtiger als Nachrichten aus der Hauptstadt. Die historischen Überlieferungen vergangener Kriege leben wieder auf.

So erzwang der Krimkrieg Mitte des 19. Jahrhunderts eine andere Sichtweise des Gebietes Novorossiysk (des nördlichen Schwarzmeerraumes), das nach langen Auseinandersetzungen mit dem Osmanischen Reich an Russland gefallen war¹. Im Jahr 1812 waren die Blicke in den Westen gerichtet, wo für die feindliche Armee der kürzeste Weg ins Zentrum Russlands führte. Eine Schlüsselposition auf diesem Weg nahm Smolensk ein.

Das Smolensker Land [*Smolenshchina*], das in ferner Vergangenheit zu den „Städten der Litauischen Ukraine“ gehörte, lag lange Zeit im russisch-polnischen Grenzland, und bis zur

* Diese Forschung ist mit finanzieller Unterstützung der Russischen Stiftung für Geisteswissenschaften vorbereitet. Forschungsprojekt №10-01-00371a.

¹ Горизонтов Л.Е. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П.Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007.

Mitte des 17. Jahrhunderts, als sich die „litauische Grenze“ endlich stabilisierte, ging es mehrmals von Hand zu Hand. Aufgrund der häufigen Änderungen der territorialen Verwaltungsgliederung Russlands war Smolensk im 18. Jahrhundert entweder Teil des von Moskau organisierten Raumes, trat als selbständiges Zentrum auf oder fiel verschiedenen Regionen zu, die nicht zu Moskau gehörten. Nach der Teilung der Rzeczpospolita wurden die bisherigen und die neu erworbenen russischen Besitzungen im Gouvernement Smolensk zusammengefasst. Das Smolensker Land selbst wurde ähnlich wie Kleinrussland weiterhin als Neuerwerbung, die Integrationsbemühungen erforderlich machte, gesehen.² Auch die regionale Identität der Bevölkerung wies spezifische Besonderheiten auf (G.A. Potemkin, S.N. Glinka).³

Auf einem Plakat vom 1. Juli 1812 legte der Moskauer Generalgouverneur A.V. Rostoptschin einem patriotischen Kleinbürger eine kecke Botschaft an Napoleon in den Mund: „Wir nehmen uns die Weißrussen, und dich bestatten wir in Polen.“⁴ Damit wurde gleich zu Beginn des Krieges die Überzeugung geäußert, dass dieser mit der Zerschlagung des Feindes in den ehemaligen Ländern der Rzeczpospolita enden würde, unter aktiver Beteiligung der Weißrussen, wie damals üblicherweise die Bewohner des heutigen Westweißrussland, seltener Zentralweißrusslands, bezeichnet wurden. Moskau wurde als uneinnehmbare Festung dargestellt.

Mit dem weiteren Vordringen des Feindes ins Landesinnere tritt nun bald Smolensk in den Vordergrund, denn der Moskauer Generalgouverneur rechnete damit, in der Nähe dieser Stadt, an der Dnjepr-Grenze, die Armee Napoleons aufzuhalten.⁵ Aber auch diese Prognose erfüllte sich nicht. „Als ich zur Armee stieß“, schrieb M.V. Kutuzov einige Tage vor der Schlacht von Borodino an P.V. Tschitschagov,

„fand ich den Feind im Herzen des alten Russlands vor,

² Иконников В.С. Екатерина II как историк. Киев, 1911. С. 11.

³ Кантелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 55–57.

⁴ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 210.

⁵ Ibid. С. 265.

sozusagen vor Moskau, und meine gegenwärtige Aufgabe ist nun die Rettung Moskaus selbst, daher muss ich wohl nicht erläutern, dass die Erhaltung einiger entfernter polnischer Provinzen in keinem Vergleich zur Rettung der alten Hauptstadt Moskau und der innersten Gouvernements steht“.⁶

Die inneren Gouvernements wurden den entfernten polnischen Gouvernements, wie damals alle ehemaligen Länder der Rzeczpospolita bezeichnet wurden, gegenübergestellt.

In einer in der „Nordpost“ veröffentlichten Meldung M.I. Kutuzovs vom 4. September wurde auf die „untrennbare“ Verbindung zwischen der Kapitulation Smolensks und Moskaus hingewiesen. Diese Version gab Anlass zu „Gerüchten“, die M.B. Barclay de Tolly zu Ohren kamen, „als er durch die inneren Gouvernements reiste.“ Am 25. Oktober sendet er dem Herrscher einen Brief aus Vladimir mit seiner Sicht der Ereignisse, die er allgemein kundtun möchte.

„Es ist sehr schwierig zu deuten, in welchem Zusammenhang Smolensk und Moskau stehen könnten“, befand der General. „Smolensk ist keine Festung, die die Grenzen des Staates oder den Zugang nach Moskau verteidigt; diese Stadt ist kein Vorort Moskaus, folglich steht der Verlust Moskaus im gleichen Zusammenhang mit dem Verlust Smolensks wie der Verlust von Mogilev, Minsk, Borisov, Lepel' und vielen anderen Städten.“

Barclay de Tolly sah nicht nur keinen Konnex zwischen Smolensk und Moskau, sondern er stellte Smolensk in eine Reihe mit den Gouvernementszentren und Kreisstädten der Gouvernements Mogilev, Vitebsk und sogar Minsk. Allerdings nahm der Feldherr in einer dem Brief beigelegten Notiz auf die strategische Entscheidung Bezug „die Kampagne mit dem Rückzug an unsere alten Grenzen“ zu eröffnen, damit der innere Feind in den unzuverlässigen westlichen Gouvernements die Armee nicht aus dem Hinterland bedrohen konnte⁷.

Auf den mentalen Landkarten dieser Zeit bestand ein qua-

⁶ Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С. 311–313, 467.

⁷ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 272–275.

litativer Unterschied zwischen den inneren und den polnischen Gouvernements, an deren Grenze Smolensk lag. Laut Aussage von F.V. Rostoptschin wurde Smolensk „in der öffentlichen Meinung zum Bollwerk Moskaus hochstilisiert.“⁸

Für die Bestimmung der Westgrenze der Zentralregion Russlands, der inneren Gouvernements, ist von entscheidender Bedeutung, dass das Jahr 1812 genau an diesem Abschnitt zweimal - beim Rückzug und beim Angriff der russischen Truppen - eine genaue Demarkationslinie zwischen dem Eigenen und dem Fremden zog.

„Porech'e ist die erste altrussische Stadt auf unserem Rückzug, und die Zuneigung der Bewohner war anders“, – erinnerte sich A.P. Yermolov. – „Zuvor zogen wir durch die litauischen Gouvernements, wo der Adel, verleitet durch den Traum der Wiederherstellung Polens, die schwachen Gemüter der Bewohner gegen uns aufbrachte, oder durch die weißrussischen Gouvernements, wo die äußerst drückende Herrschaft der Gutsherrn einen Wandel herbeisehnen ließ. Hier im Smolensker Gouvernement waren sie bereit, uns als Befreier zu sehen. Es wäre wohl gar nicht möglich, mehr Hass gegenüber den Feinden und lebhafteres Bemühen, es uns auf jede erdenkliche Weise recht zu machen, an den Tag zu legen, sie boten uns Hilfe an und schonten dabei weder ihr Eigentum, noch das eigene Leben!“⁹

„Als wir durch die ehemaligen polnischen Gebiete marschierten“, heißt es in anderen Erinnerungen, „legten die Bewohner der Städte und Dörfer schweigsame Gleichgültigkeit gegenüber den Truppen an den Tag... ganz anders war es im Gouvernement Smolensk.“ Östlich von Smolensk gab die örtliche Bevölkerung, als sich die feindliche Armee näherte, ihre Häuser auf und strömte ins Landesinnere.¹⁰

Die Erfahrungen als Partisan führten D.V. Davydov ein Kriterium der Demarkation vor Augen, an dem nicht zu zweifeln war. Nach dem Einmarsch am rechten Ufer der Beresina in der Gegend von Borisov wurden die örtlichen Bewohner für die von

⁸ *Ростопчин Ф.В.* Указ. соч. С. 285.

⁹ *Ермолов А.П.* Записки 1798–1826. М., 1991. С. 146–147.

¹⁰ *Бутенев А.П.* Воспоминания русского дипломата // *Русский архив.* 1881. №5. С. 70–72.

der Truppe zurückgebliebenen Soldaten zur Gefahr. Während es in den zentralen Gouvernements ausreichte, sich die Kleidung des einfachen Volkes anzulegen, sich einen Bart wachsen zu lassen und auf die französische Sprache zu verzichten, um das Vertrauen der Bauern zu gewinnen, sah die Situation hier, im Minsker Gouvernement, ganz anders aus. „Das war der beste Beweis für die wahre Grenze zwischen Russland und Polen“, schrieb Davydov anlässlich des Todes von zwei Untergebenen¹¹.

In den Erinnerungen eines Landwehrmannes aus Vladimir, eines kleinen Provinzbeamten, der mit der Geografie auf Kriegsfuß stand, lesen wir über den Feldzug nach „Borisov im Minsker Gouvernement, was in Klempolen liegt“ und den Rückweg nach Hause.

„Als wir unseren Fuß fast auf russischen Boden setzten und das weißrussische Land hinter uns ließen“, hielt der Memoirenschreiber fest, „freute sich jeder christliche Landwehrmann, hob ein Stück Erde auf, küsste es und sagte, dass er sich nun der Brust seiner russischen Heimat näherte, und es wäre besser mit freudigem Antlitz hier zu sterben, als ... in Klempolen zu bleiben!“

Das Ritual die Erde zu küssen vollzog sich in der Nähe von Vyaz'ma, an der Grenze zwischen dem Smolensker und Moskauer Gouvernement¹².

Der Erzbischof von Ryazan' Feofilakt, der entsandt worden war, um das Ausmaß der Zerstörungen am ehemaligen Kriegsschauplatz zu beurteilen, berichtete A.A. Arakcheyev, dass in den Diözesen Mogilev und Minsk wesentlich weniger niedergebrannte Häuser vorzufinden seien als im benachbarten Smolensk. Der Unterschied war durch das politische Kalkül des Gegners zu erklären.¹³ Es handelte sich um die besondere Einstellung Napoleons zu den Ländern, die früher zur Rzeczpospolita gehörten, wo im adeligen Milieu die Polen vorherrschten.

¹¹ 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 273.

¹² 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 426, 434.

¹³ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 440.

In französischen Archiven wurde eine umfangreiche Meldung General Sokolnickis an Napoleon gefunden, verfasst im Auftrag des Herrschers wenige Monate vor dem Russlandfeldzug. Der kundige polnische Autor betrachtete Litauen als wichtigsten Kriegsschauplatz und plante, die Kampfhandlungen zur Ablenkung durch eine „großangelegte Diversion“ in dem am rechten Ufer gelegenen Teil der Ukraine mit der Besetzung Kiews zu ergänzen. Sokolnicki schlug vor, die Rzeczpospolita bis zur „natürlichen“ Grenze von 1772 zu erweitern und versuchte Napoleon zu überzeugen, dass die Bewohner an beiden Seiten „nach wie vor vollwertige Polen seien“, die zu einem Massenaufstand und zur Gründung von Freiwilligenformationen in der Lage seien. Der General beteuerte, dass selbst in der Ukraine, wo die Antagonismen zwischen den Nationalitäten bereits mehrmals einen Höhepunkt erreicht hatten, die Vertreter aller Schichten für die Wiederherstellung der Rzeczpospolita kämpfen würden. All dies war eine ordentliche Übertreibung: Selbst die polnischen Untertanen Russlands entschieden sich unterschiedlich. Um „Polen zuverlässig vor Russland zu schützen“, schlug Sokolnicki vor, jenseits der Dnjepr-Düna-Grenze unter dem „unmittelbaren Schutz“ Polens „eine Reihe föderativer Herzogtümer“ zu gründen, unter anderem das Herzogtum Smolensk. Smolensk selbst „muss zu einem polnischen Grenzvorposten werden“¹⁴.

Hatte der Krieg im Jahr 1812 entscheidenden Einfluss auf die Veränderung der mentalen Landkarten? Für eine detaillierte Antwort auf diese Frage wäre wohl ein weiterer Vortrag erforderlich. Sowohl in den Herrschaftsstrukturen als auch in der Gesellschaft herrschte das Bestreben vor, den Kern des Reiches zu erweitern und dabei das Smolensker Land als Basis für die Russifizierung der weißrussisch-litauischen Gouvernements heranzuziehen. Andererseits wurde für die gesamte westliche Region weiterhin lange der Terminus „polnische Gouvernements“ verwendet. Man befürchtete eine polnische Expansion im Smo-

¹⁴ Сокольник М. «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковым, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» Минск, 2003. С. 59–60, 68, 71, 80–81, 113.

lensker Land und die Perspektive, dass die „Godunov-Mauer in Smolensk“ genützt würde.¹⁵ Es war die Sorge um das Schicksal „des Smolensker Grenzgebietes, das schon lange russisch geworden ist“, wie es K. P. Pobedonostsev ausdrückte¹⁶.

Das Smolensker Gouvernement wurde auch weiterhin nicht immer der Zentralregion (Moskauer Region) zugerechnet, vor allem weil auf seinem Gebiet Weißrussen lebten. Selbst im Vorfeld der Februarrevolution hielt Ministerpräsident B.V. Stürmer die „Smolensker Region“ mit den westlichen Kreisen des angrenzenden Gouvernements Kaluga nicht für großrussisch „im vollen Sinne dieses Wortes“.¹⁷ Nach 1917 wurde Smolensk als Teil des westlichen Gebietes [*Zapadnaya Oblast*] gesehen, häufig sogar als dessen Hauptstadt.

So bewirkte der Krieg des Jahres 1812 gerade entlang der Smolensker Grenze eine Demarkation des Raumes anhand der Einstellung der Lokalbevölkerung zu den verfeindeten Armeen. Nicht nur bei den Vertretern der Elite, sondern auch im einfachen Volk war ein starker Kontrast in den Verhaltensstrategien zu beobachten. Die militärischen Erfahrungen traten in Widerspruch zu den Vorstellungen über die große russische Nation. Napoleon verfolgte in den eroberten Gebieten des russischen Reiches eine differenzierte Politik. Indem der Krieg eine ausgeprägte Trennlinie zwischen dem Eigenen und dem Fremden (dem Polnischen, Litauischen und Weißrussischem) zog, verfestigte er auf den mentalen Landkarten sowohl den Grenzcharakter Smolensks als auch seine Verbindung mit Moskau. Smolensk wurde als Zugang in den Moskauer Raum aufgefasst („Smolensker Tor“), als Stadt, die auf unmittelbarste Weise mit dem Schicksal der alten Hauptstadt verknüpft war. Nach dem Jahr 1812 hat sich die Wahrneh-

¹⁵ Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 413.

¹⁶ Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX в. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2: География и политика. С. 24.

¹⁷ Отечественные архивы. 2009. №1. С. 102.

mung des Smolensker Gouvernements als unabdingbarer Bestandteil Zentralrusslands (des inneren Russlands) wesentlich gefestigt, wenngleich sie auch nicht zum Allgemeingut wurde.

W. Dornik

**„Erinnert euch des Schicksals der großen Armee des
Franzosenkaisers ...“**

**Der Russlandfeldzug von 1812 in der österreichisch-
ungarischen Propaganda des Ersten Weltkrieges**

Was Eric Hobsbawm in das Diktum „Invention of Tradition“ gegossen hat,¹ kann gerade in Kriegszeiten oft beobachtet werden: Bezüge zu historischen Ereignissen werden in politischen Rechtfertigungsdiskursen und insbesondere in der Fundierung von Metaerzählungen zur Fundierung des aktuellen Handelns herangezogen. Es verwundert deshalb nicht, dass bei Kriegsausbruch 1914 auch in Österreich-Ungarn der Schritt zum Losschlagen gegen Serbien auf diese Weise gerechtfertigt wurde. In offensichtlicher Umdeutung der tatsächlichen Beweggründe bezieht sich das Manifest „An meine Völker“ von Kaiser Franz Josef vom 28. Juli 1914 auf eine Jahrzehntelange Habsburgische „Unterstützung“ für die serbische Selbständigkeit, die „drei Jahrzehnte segensvoller Friedensarbeit in Bosnien und der Hercegowina“ bis hin zu den Balkan-Kriegen der Jahre 1912/13, um nun den „frevelhaften Taten des Wahnwitzes und des Hochverrates“ Serbiens Einhalt zu gebieten.² Kein Wort ist zu lesen von den Auseinandersetzungen mit Serbien, den Schwierigkeiten mit der panslawischen Bewegung in Bosnien-Herzegowina, aber auch nicht von den eigenen strategischen Interessen oder „Gefahren“, die vom stärker werdenden Königreich Serbien für Österreich-Ungarn ausgingen.

Damit historische Bezüge von den Rezipienten in solchen Diskursen verstanden werden, muss der Bezugsrahmen bekannt und allgemein akzeptiert sein; gemeinsam mit der nun hinzuge-

¹ Für eine deutsche Version, siehe: Erich Hobsbawm. Das Erfinden von Traditionen. In: Christoph Conrad, Martina Kessel (Hg.). Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung. Stuttgart. 1998. S. 97–118.

² An Meine Völker, http://de.wikisource.org/wiki/An_Meine_Völker!,